

С. К. БУШМАКИН (Москва)

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СРЕДНЕВОСТОЧНЫХ ГОВОРОВ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

Описываемые говоры сформировались при консолидации северных, южных и западных удмуртов. В силу этого они испытали взаимовлияние языковых явлений разных диалектов, а в ряде случаев произошла контаминация северных и южных явлений. В данной статье описываются специфические морфологические особенности средневосточных говоров. По мере надобности языковые особенности описываемых говоров будут сопоставлены с явлениями литературного языка и некоторых известных диалектов удмуртского языка, особенно с территориально близким приитинским (тыловайским).

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

1. Число имен существительных

В удмуртском языке множественное число образуется путем присоединения к основе слова суффиксов *-os* (после гласной основы) и *-jos* (после согласной основы). В якшур-бодьинском, сосновском и шарканском говорах после основ на гласный *a* употребляется суффикс множественного числа *-as*: *čana* 'галка' — *čana_sas* (виш. *čano_sos*, лит. *čanaos*), *apa* 'старшая сестра' — *apa_sas* (виш. *apo_sos*, лит. *apaos*), *vatka* 'название удмуртского племени; человек племени Ватка' — *vatka_sas* (виш. *vatko_sos*, лит. *vatkaos*), *parta* 'парта' — *parta_sas* (виш. *parto_sos*, лит. *partaos*) и т. д.

Суффикс множественного числа *-as*, характерный для срединных говоров, зафиксирован в диалектологических записях Ю. Вихмана¹ и Т. Г. Аминоффа.² По свидетельству Т. И. Тепляшиной, он наличествует и в приитинском (тыловайском) говоре.³ Из работ, специально посвященных рассматриваемому суффиксу удмуртского языка, можно отметить лишь статью И. Д. Дмитриева-Кельды⁴, усматривающего в форманте *-as* лишь ассимилятивный вариант суффикса *-os*. Анализ фо-

¹ Y. Wichmann, *Wotjakische chrestomathie mit glossar*, Helsinki 1954.

² T. G. Aminoff, *Wotjakilaisia kielinäytteitä*. — JSFOu I 1886, стр. 32—35.

³ Т. И. Тепляшина, Фонетическая характеристика тыловайского говора. — Записки Удмуртского научно-исследовательского института, вып. 18, Ижевск 1957, стр. 137.

⁴ И. Д. Дмитриев-Кельда, О показателе множественности *-as* в вотякском языке. — Доклады АН СССР. Серия В, Ленинград 1928, стр. 202.

нетических закономерностей средневожточных говоров⁵ действительно подтверждает возможность ассимилятивного происхождения суффикса *-as* в удмуртских срединных говорах, тем более вишурский подговор демонстрирует, согласно выработавшимся в нем фонетическим законам ассимиляции гласных, уподобление гласного *a* основы гласному *o* суффикса множественного числа (см. примеры, приведенные выше) в тех случаях, когда в других средневожточных говорах происходит уподобление обратного порядка. Данные других пермских языков, в частности коми-зырянского, в котором суффиксы множественного числа выступают в формах *-jas*, *-jan*, и реликтовые остатки показателя *-a* множественности и в других формах слов дают основание считать форму суффикса множественного числа в пермских языках с показателем *a* более древней. В материалах записей древнепермской письменности суффикс множественного числа выступает в огласовке *-jas*, лишь в *tōsjōs* 'коровы' зафиксирован суффикс *-jōs* (*-jos*).⁶ Б. А. Серебренников, детально изучив историю вопроса и обобщив все мнения и гипотезы о происхождении вариантов суффиксов множественного числа пермских, а в связи с этим и уральских языков, предполагает, что окончания множественного числа в коми-зырянском языке *-jas* и *-jan* произошли из одного источника — собирательного множественного числа на *-a*, *-ja*.⁷

Можно предположить, что формант *-as* множественного числа после гласного основы слов на *-a* представляет собой реликтовый остаток древнепермского суффикса *-jas*. Условием для сохранения древней огласовки рассматриваемого суффикса стала прогрессивная ассимиляция начального гласного *o* суффиксов конечным гласным *a* основы, свойственная срединным говорах.

2. Склонение имен существительных

В парадигмах склонения существительных и местоимений с конечными гласными основы *-a*, *-o*, *-e* для описываемых говоров специфично выпадение согласного *l* из состава суффиксов следующих падежей: родительного (*-len*): *anna,an* (< *anna* + *en* < *anna* + *len*) 'у Анны (есть, имеется)', *apa,an* (< *apa* + *en* < *apa* + *len*) 'у старшей сестры', *vuko,on* (< *vuko* + *en* < *vuko* + *len*) 'у мельницы (имеется, есть)', *kišno,on* (< *kišno* + *en* < *kišno* + *len*) 'у жены (имеется, есть)', *nene,en* (< *nene* + *len*) 'у матери', *ašme,en* (< *ašme* + *len*) 'у нас самих', аналогично: *ašte,en*, *ašse,en* 'у вас, у них (самих)'; разделительного (*-leš*): *marja,aš* (< *marja* + *eš* < *marja* + *leš*) 'у Марии (взять, просить)', аналогично: *aka* 'старшая сестра бабушки; тетя' — *aka,aš* 'у тети; сестры бабушки (просить, взять)', *kuno,oš* 'у гостя (спросить, попросить что-либо, узнать)', *ašme,eš* 'у нас самих (взять, отдать)', *bekče,eš* 'у бочонка (отколоть, взять)'. Только в шарканском говоре (из средневожточных) согласный *l* выпадает также из суффикса дательного падежа (*-li*): *apaḷ* ~ *apawḷ* (< *apa* + *wḷ* < *apa* + *li*) 'старшей сестре', *kunoḷ* < *kunowḷ* (< *kuno* + *wḷ* < *kuno*

⁵ С. К. Бушмакин, Ассимиляция в средневожточных говорах удмуртского языка. — СФУ IV 1968, стр. 269—284.

⁶ В. И. Лыткин, Древне-пермский язык, Москва 1952, стр. 156.

⁷ Б. А. Серебренников, Историческая морфология пермских языков, Москва 1963, стр. 89—90.

+ *li*) 'гостю', *ašmei* < *ašmewi* (< *ašme* + *wi* < *ašme* + *li*) 'нам самим', *bekčei* < *bekčewi* (< *bekče* + *wi* < *bekče* + *li*) 'бочонку'.

Винительный падеж существительных, прилагательных, числительных и большинства местоимений множественного числа оформляется суффиксом *-ti*, который употребляется в северных говорах: *korka* — *korka,asti* 'дома', *vuko* — *vuko,osti* 'мельницы', *gurt* — *gurtjosti* 'деревни' и т. д. В диалектах и говорах южного наречия винительный падеж имеет суффикс *-iz*. В литературном удмуртском языке узаконены на равноправных началах обе формы.⁸ В средневосточных говорах, особенно последовательно в якшур-бодьинском, винительный падеж 1-го и 2-го лица множественного числа личных, всех трех лиц множественного числа лично-определятельных местоимений оформляется суффиксом *-diz* (< *-di* + *iz*), представляющим собой контаминацию северной и южной форм, но при этом произошло стяжение двух гласных *i*: *milemdiz* (< *milem* + *di* + *iz*), сев. *milem* + *di*, южн. *milem* + *iz* 'нас'; *tilediz*, сев. *tiled* + *di*, южн. *tiled* + *iz* 'вас'; *ašmediz*, сев. *ašmedi*, южн. *ašme* + (*m*)*iz* 'нас самих'; *aštediz*, сев. *ašte* + *di*, южн. *ašte* + (*d*)*iz* 'вас самих'; *ašsediz*, сев. *ašse* + *di*, южн. *ašseziz*, 'их самих'.

В ряде населенных пунктов якшур-бодьинского говора, в частности в деревнях, расположенных недалеко от дер. Сюроя (Узгино), отделившихся от последней в разное время, нами зафиксирована своеобразная форма звательного падежа у одушевленных имен существительных с конечными гласными основы *-a*, *-e*, *-o*. Этот падеж оформляется суффиксом *-ov*, причем гласные основы *-a*, *-e* перед ним уподобляются гласному *o* суффикса: *apa* — *a-po,ov* 'сестра (при обращении)', *tama* — *ta-to,ov* 'мама', *papa* — *pa-po,ov* 'папа', *nene* — *ne-po,ov* 'мама', *lišo* — *li-so,ov* 'обращение к женщине, вышедшей замуж из деревни Лысово', *kočo* — *ko-čo,ov* 'обращение к женщине, вышедшей замуж из деревни Кочегурт'. В некоторых случаях звательный падеж выражается удлинением корневой гласной: *ken* > *kēn* 'сноха', а иногда — лишь переносом ударения с последнего слога на первый: *kena·k* > *ke-nak* 'тетя', *ičime·ñ* > *i-čimeñ* 'младшая сноха по отношению к другим', *darja* > *da-rja* 'Дарья', *aka* > *a-ka* 'сестра дедушки' и т. д.

3. Словообразование имен существительных

В средневосточных говорах имеются специфические суффиксы *-ti* (як.-бод., виш., западная часть сосн.) и *-ni* (восточная часть сосн., шарк.) со значением 'место действия': як.-бод., виш. *užanti* (< *užan* + *inti*), сосн., шарк. *užanni* (< *užan* + *inti*) 'место работы, рабочее место'; як.-бод., виш. *turnanti*, сосн., шарк. *turnanni* 'покос; участок, отведенный или предназначенный для косьбы'; як.-бод., виш. *vižonti* сосн., шарк. *vižonni* (< *vižon* + *inti*) 'брод, место перехода (через реку, болото, трясины)'; як.-бод., виш. *kyaštonti*, шарк., сосн. *kyaštonni* 'место, где что-то сушат; территория, предназначенная для осушения';

⁸ Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология, Ижевск 1962, стр. 93, 168, 179.

як.-бод., виш. *vetlonti*, сосн., шарк. *vetlonni* 'место, предназначенное для прихода, встреч; путь' и т. д.

Суффиксы *-ti*, *-ni* восходят к самостоятельному слову *inti* (як.-бод. *inti*) 'место'. Образование данного суффикса — более позднее явление. Во многих говорах в сочетании с отглагольным существительным на *-n* слово *inti* употребляется в полной форме, как и в литературном языке. И в описываемых говорах наряду с *užanti*, *užanni* в той же функции факультативно употребляются и полные формы (*užan inti*). Но в то же время уже произошла заметная грамматикализация суффиксов *-ti*, *-ni*. В парадигмах склонения и при оформлении с другими суффиксами, в частности показателем множественного числа *-os*, суффиксы *-ti*, *-ni* относятся к основе слова и к ним присоединяются все остальные падежные и другие суффиксы: *piřonti*, *piřonni* (< *piřon inti* < *piřon inti*) 'вход; место, предназначенное для входа, захода'; *piřontiez*, *piřonniez* (винительный); *piřonti.in*, *piřonni.in* (местный); *piřonti.iš*, *piřonni.iš* (исходный); *piřontieti*, *piřonneti* (переходный); *užantios*, *užannios* 'рабочие места'; *užantioslen*, *užannioslen* (родительный); *užantiositek*, *užanniositek* (лишительный). Как видим, суффиксы *-ti*, *-ni* органически входят в основу слова.

Только в якур-бодыинском говоре суффикс *-ti* присоединяется также к причастиям на *-m* прошедшего времени: *užamti* 'место, на котором когда-то (в прошлом) работали', *veilemti* 'хоженные места'.

Местный падеж (инессив) отглагольных существительных с суффиксами *-ti*, *-ni* притяжательного склонения индивидуального и коллективного обладателя в описываемых говорах выражает еще причинность: як.-бод. *ja-lan užantiam* (~ *užamti*, як.-бод., шарк. *užannam*) *pinallos-me no eskeriša ug vuki* 'из-за постоянной работы не успеваю присматривать и за детьми'; як.-бод. *žalmantiam* (шарк. *žalmannam*) *žažek pime ežid gine ej loga* 'из-за того что зазевалась, чуть не стоптала гусенка'.

Суффикс со значением места, объекта действия есть и в глазовском (северном) диалекте⁹, но в огласовке *-ni* (< *inti*): *užaňni* 'место работы', *veiloňni* 'путь (букв.: место хождения)', *pikoňni* 'место сидения; место, предназначенное для сидения'.

Суффикс *-lik*, весьма продуктивный в южных говорах и литературном языке, в средневожочных говорах является непродуктивным. Он наличествует здесь лишь в тех словах, которые с суффиксом *-lik* образованы и бытуют в языке давно: *uzirlik* 'богатство' (< *uzir* 'богатый, богато'), *čeberlik* 'красота' (< *čeber* 'красивый, красиво, приличный, прилично'), *tirlik* 'инструмент, орудие производства' (< *tir* 'топор') и т. д. Этим и подобным словам суффикс *-lik* придает значение отвлеченности, собирательности, неделимой совокупности.

Суффикс *-lik* — тюрко-татарское заимствование.¹⁰ В средневожочных говорах именам существительным с этим суффиксом соответствуют существительные с суффиксами обладания *-o*, *-eš* и выделительно-

⁹ В. М. Вахрушев, Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка. — Записки Удмуртского научно-исследовательского института, вып. 19, Ижевск 1959, стр. 235—236.

¹⁰ Б. А. Серебренников, указ. раб., стр. 152.

притяжательным суффиксом *-ez*, формы с нулевым суффиксом или аналитическая форма: *keľio inti* (< *inti*), *keľies inti* (< *inti*) (южн. *keľiľik*)¹¹ 'место, обильное гравием, галькой'; *baľpuo inti*, *baľpues inti* (южн. *baľpulik*) 'место, заросшее (обильное) вербой, тальником'; *valan* ~ *valanez* (южн. *valanlik*) 'умение, способность, знание'; *kiżer* ~ *kiżerez* ~ *kiżer make* (южн. *kiżerlik*) 'жидкость'; *muskit* ~ *muskitez* ~ *muskit make* (южн. *muskitlik*) 'влажность'; *pinal dir* ~ *jegid dir* (южн. *jegitlik*) 'молодость, юность'.

В удмуртском литературном языке и в южном наречии широко употребляется суффикс *-ĉi*, с помощью которого образуются существительные, обозначающие лицо по роду деятельности или участию в чем-либо. В средневосточных говорах словам с суффиксом *-ĉi* соответствуют аналитические формы — сочетания существительного, называющего орудие или объект действия, в творительном падеже плюс действительное причастие настоящего времени, выражающее действующее лицо на предметах или объектах: *garmuške.en* ~ (*v*)*arganen šudiš* (южн. *argañĉi*) 'гармонист; вообще музыкант'; *us kariš* (южн. *vuzĉi*) 'продавец, торговец' (< *vuz* 'товар'); *kirežen šudiš* (южн. *krežĉi*) 'гуслиар; вообще музыкант'.

Суффикс *-ĉi* в удмуртском языке в функциональном отношении представляет собой два суффикса, отличающихся и по своему происхождению.¹² Первое значение суффикса *-ĉi*, являющегося татарским заимствованием¹³, — обозначение лиц по роду их деятельности (*krežĉi*), второе — деминутивность: *vekĉi* 'тонкий, тоненький' (< древняя форма *vek-* 'тонкий'), *vakĉi* (< древняя форма *vak-* 'короткий')¹⁴ и т. д. Деминутивный суффикс *-ĉi* своими корнями уходит в седую финно-угорскую древность и также в удмуртском литературном языке является уже непродуктивным суффиксом.¹⁵ В средневосточных говорах *-ĉi* употребляется лишь с деминутивным значением.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

В рассматриваемых говорах степени сравнения прилагательных выражаются, помимо форм литературного языка, и иными средствами. К специфическим способам выражения сравнительной степени относятся:

1. Совместное употребление суффиксов *-gezgem* (< *ges* + *gem*) для усиления большей или меньшей степени качества предметов или явлений: *ĉuridgezgem* (< *ĉurit* + *ges* + *gem*) 'тверже; более, чем просто тверже', *žužidgezgem* 'более, чем просто выше', *lapeggezgem* 'более, чем просто ниже', *kįđokįngezgem* 'более, чем дальше'. Этот способ употребляется в настоящее время лишь в речи самого старшего поколения. Но тот факт, что рассматриваемый способ распространяется на все слова, способные оформляться суффиксами сравнительной степени

¹¹ Диалектные фонетические варианты в данной статье не даем, так как они не относятся к морфологии.

¹² В. И. Алатырев, Вопросы удмуртского языкознания I, Ижевск 1959, стр. 153, 158—163.

¹³ Там же, стр. 153—158.

¹⁴ Там же, стр. 158.

¹⁵ Там же, стр. 159.

(местоимения: *mongezgem* 'более я', *ačimgezgem* 'больше (более) я сам'; глаголы: *žadnizezgem šotkiško in* 'усталости более (больше) уж поддаюсь'; причастия: *jegid dirjaz ik višizgezgem ik val* 'в молодости же была более, чем обычно, болезненной'; деепричастия: *oskiťeggezgem* 'более, чем обычно, не надеясь', *jaratisagezgem* 'более, чем обычно, любя'; наречия: *žoggezgem* 'более, чем обычно, быстрее'), говорит о том, что данный способ выражения сравнительной степени в прошлом имел сравнительно широкое распространение.

2. Совместное употребление частицы-суффикса *-žik* с одним из суффиксов *-ges*, *-gem* (*-гес*, *-гем*). Суффикс *-žik* используется для еще большего усиления степени качества (признака): *bažžingezžik luis ke šuži murt vižmu-a luoz na?* 'дурак разве станет умней, когда и станет более взрослым (большим)?', *miŋam čebergezžik atkeme uga-a pot?* 'мне разве не хочется казаться более красивой?'. При употреблении со словами, не оформленными суффиксами *-ges*, *-gem*, *-žik*, выполняет в описываемых говорах функции усилительной частицы 'же, ведь'. При этом его можно употребить в соседстве с любым словом (членом предложения), значение которого необходимо усилить: *šuruez iskal žik jelu-a ug lu,u?* 'рогатая корова ведь тоже бывает молочной (рогатая корова разве не бывает молочной)?', *šuruez žik iskal jelu-a ug lu,u?* 'ведь рогатая (же) корова разве не бывает молочной?'; *šuruez iskal jelo žik ug-a,a lu,u?* 'рогатая корова молочной же (ведь) бывает (букв.: разве не бывает?)'; *šuruez iskal jelo ug-a,a lu,u žik?* (... *ug-a,a žik lu,u?*) 'рогатая корова молочной бывает же (ведь?)' и т. д.

В коми языках *-žik* — это основной суффикс сравнительной степени имен прилагательных. В удмуртских диалектах он представляет собой реликтовое явление. Затухание функции сравнительной степени и переход в категорию усилительной частицы особенно заметны в средне-восточных говорах. Употребление *-žik* в функции суффикса сравнительной степени в некоторых диалектах, в частности в слободском¹⁶, еще шире, чем в описываемых говорах. Во многих диалектах и в литературном удмуртском языке *-žik* (*-жык*) не употребляется ни в функции суффикса сравнительной степени, ни в функции усилительной частицы.

3. Использование слова-суффикса *-žožja* (*-жожъя*) для выражения меньшей степени качества или признака. Употребление рассматриваемого форманта ограничено прилагательными, обозначающими вкусовые качества, меры длины или ширины (но не вообще пространственные признаки): *kuridžožja* 'менее, чем соленый; солоноватый', *kužalžožja* 'менее, чем горький; горьковатый', *vakčičožja* 'менее, чем короче; коротковатый', *vekčičožja* 'менее, чем тоньше; тонковатый', *paškidžožja* 'менее, чем шире; широковатый'. Употребляясь в соседстве с суффиксами сравнительной степени *-ges*, *-gem*, слово-суффикс *-žožja* усиливает меньшую степень качества, выраженную этими суффиксами: *vakčičezžožja* 'менее, чем менее короткий', *kužidgemžožja* 'менее, чем менее соленый' и т. д.

¹⁶ Т. И. Тепляшина, О суффиксах сравнительной степени в северо-западных удмуртских говорах. — Вопросы финно-угорского языкознания, Москва—Ленинград 1964, стр. 141—145.

Суффикс *-žožja* восходит к самостоятельному слову *žož* (лит. жож) 'горе, обида, недостаток' в форме соответственного (адвербиаль) падежа. Это слово, выражая идею недостатка, в языке описываемых говоров используется для выражения меньшей степени или неполноты качества.

Рассмотренный способ имеет тенденцию к дальнейшему развитию в отличие от *-žik*, который постепенно утрачивает функции сравнения в связи с усилением функции усилительной частицы.

В финно-угроведении существует мнение (например, М. А. Кёвеши¹⁷), что в удмуртском языке нет суффиксов (вернее, слабо развиты) более позднего образования, возникших из самостоятельных слов. Наши примеры показывают, что процесс образования суффиксов из самостоятельных слов происходит и в настоящее время. Суффиксы позднего происхождения в удмуртском языке есть и их больше, чем мы привели, но они не выявлены из-за слабой изученности удмуртских диалектов.

МЕСТОИМЕНИЕ

1. Личные местоимения

В исследуемых говорах, как и в других диалектах, личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа в родительном, разделительном и дательном падежах меняют гласный основы *o* на *i*: *mon* 'я' — *mīnam* 'у меня (есть)', *mīneštīm* 'у меня (просят, берут)', *mīnīm* 'мне'; аналогично: *ton* 'ты' — *tīnad*, *tīneštīd*, *tīnīd*.

В средневосточных говорах гласный основы *o* в формах разделительного и дательного падежей переходит в *e*, хотя представители молодого и среднего поколений употребляют и литературные варианты; кроме того, в говорах происходит выпадение целого слога или согласного *n* (дательный падеж). Оказавшийся в соседстве с гласным основы *e*, гласный падежного суффикса *i* уподобляется первому: *meštīm*, *mīštīm* (< *meneštīm*, *mīneštīm*) 'у меня (взять, просить)'; *teštīd*, *tīštīd* (< *teneštīd*, *tīneštīd*) 'у тебя (просить)'; *me em*, *mī im* (< *menim*, *mīnim*) 'мне'; *te ed*, *tī id* (< *tenīd*, *tīnīd*) 'тебе'. В записях Т. Г. Аминоффа встречаем полные и неассимилированные формы: *myneštym*, *tyneštūd* ~ *mōštym*, *tōštūd*; *tōnyd* ~ *tōyd*.¹⁸ Это явление наводит на мысль, что уподобление гласных и выпадение согласного *n* — сравнительно позднее образование.

В шарканском говоре в настоящее время употребляются беззловые формы рассмотренных местоимений, которым в якшур-бодыинском говоре соответствуют эловые местоимения: шарк. *miam* (< *milam*) 'у нас'; *tiad* (< *tilad*) 'у вас'; як.-бод. *milam*, *tilad*, шарк. *mīeštīm*, *tīeštīd*, як.-бод. *mīleštīm*, *tīleštīd* 'у нас, у вас (взять, просить)' и т. д. Т. Г. Аминофф зафиксировал беззловые формы и в говоре села Якшур-Бодья: *tilad* ~ *tiad*, *tīleštūd*, *-dy* ~ *tīeštūd*, *-dy* 'у вас'; *tiledly* ~ *tiedly* 'вам'; *tiledyn*, *-ny* ~ *tienyd*, *-dy* 'вами'.¹⁹

¹⁷ М. А. Kővesi, A permi nyelvek ősi képzői, Budapest 1965.

¹⁸ Т. Г. Aminoff, Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos. — JSFOu XIV, 2 1896, стр. 30.

¹⁹ Там же, стр. 30.

2. Взаимно-личные местоимения

Сюда относятся: *odig-ogmi* ~ *og-ogmi* 'мы друг друга', *odig-ogdi* ~ *og-ogdi* 'вы друг друга', *odig-ogzi* ~ *og-ogzi* 'они друг друга'. Некоторое различие в описываемых говорах составляет сравнительно бóльшая, чем в литературном языке, самостоятельность компонентов этих местоимений в парадигмах склонения и в целом словоизменения: если в литературном языке первый компонент лишь факультативно оформляется падежными суффиксами, то в средневосточных говорах, как правило, и первый компонент принимает падежные формы: *odigmiḷi-ogmi* ~ *ogmiḷi-ogmi* 'мы друг другу', *odigdiḷek-ogdi* ~ *ogdiḷek-ogdi* 'вы один без другого' и т. д. Кроме того, при присоединении к ним послелогов компоненты этих местоимений всегда разделяются послелогом, т. е. послелог относится к первому компоненту: *ogmi diḷe ogmi* ~ *odigmi diḷe ogmi* 'мы один к другому', *ogmi šeri ogmi* 'мы один за другим' и т. д. Таким образом, первый компонент указанных местоимений является основным, ведущим, в результате чего морфологического слияния компонентов данных местоимений в описываемых говорах еще почти не произошло.

3. Указательные местоимения

В якшур-бодьинском говоре есть любопытная форма указательного местоимения *sinso* ~ *siḷso* 'вот тот (дальний)'. Она употребляется, когда речь идет о третьем лице, не присутствующем при разговоре. Для усиления выделительно-указательной функции местоимений *ta* 'этот' и *so* 'тот' употребляются указательные же местоимения *taḷ(i)* 'вот (этот)' и *tiḷ(i)* 'вот тот (подалеже)': *taḷta* (< *taḷi ta*) 'вот этот (близкий, доступный взору или ощущению)', *tiḷta* (< *tiḷi ta*) 'вот тот (подалеже, чем *taḷta*, не доступный взору или прямому ощущению)', *tiḷso* (< *tiḷi so*) 'вот тот (еще дальше, чем *tiḷta* — очень дальний предмет или человек очень дальнего родства)'.²⁰

Указательные слова *taḷi* и *tiḷi*, помимо обычной указательной функции, выражают и пространственное (или моральное и родственное) соотношение: *taḷi* — близость, *tiḷi* — отдаленность по отношению к говорящему или говорящим. Пространственную соотносимость эти слова могут выражать только с указательным местоимением *ta* 'этот': *taḷ(i)ta* 'вот этот', *tiḷ(i)ta* 'вот тот'. Местоимение *so* 'он, тот' само по себе выражает идею отдаленности, и для дифференциации значения 'близкий' оно не может употребляться. Поэтому в литературном языке и многих диалектах местоимение *so* употребляется лишь с указательным местоимением *tiḷi*: *tiḷ(i)so* 'вот тот (подалеже, чем *tiḷi ta*)'. В средневосточных говорах употребляется еще форма местоимения *sinso* ~ *siḷso* в значении 'вот тот (дальне-дальний, дальше, чем *taḷ(i)ta*, *tiḷ(i)ta*, *tiḷ(i)so*)'. В речи завьяловских удмуртов, наряду с *siḷso*, употребляется *soḷso*. Формы *siḷso* ~ *soḷso* используются только для обозначения людей и разграничения моральной и родственной близости-дальности: *siḷso* 'вот он (вообще)' — *soḷso* 'вот он (близкий по родственным связям или идейно близкий человек, единомышленник)'.²⁰

Наши примеры иллюстрируют некоторые тенденции развития функции указательных местоимений *so*, *ta* выражать пространственную соотносимость и выделять людей из мира предметов.²⁰

²⁰ К. Е. Майтинская, Семантика указательных местоимений в финно-угорских языках. — Вопросы финно-угорского языкознания IV, Ижевск 1967, стр. 143—147.

Показатели *sin- ~ siñ-, soñ-* срединных говоров представляют собой обычные лично-указательные местоимения. Ср. коми *sije*, где чистой основой является *si*.²¹ Показатель *n* выполняет функцию выделения людей из мира предметов.²² Показатель *n* наличествует во многих языках и в составе личного местоимения 3-го лица. *s-*овый показатель указательности (*so*) в других удмуртских диалектах (в частности в северных) употребляется и с другими частями речи.²³

В средневосточных говорах в ряде форм местоимений произошла контаминация северных и южных формообразовательных суффиксов. Наметилась определенная тенденция дифференциации пространственной соотношенности предметов (явлений) и выделения людей из мира предметов.

ГЛАГОЛ

1. В средневосточных говорах после согласной основы глаголов I спряжения происходит стяжение суффикса настоящего времени и омонимичной формы суффикса возвратных глаголов *-išk* в *-k*: *mĩnnĩ* 'идти; ехать' : *mĩnko* (лит. *мыниско*) 'иду; еду', *mĩnkod* 'идешь; едешь'; *junĩ* 'пить' : *juko, jukod* 'пью, пьешь'.

2. Глаголы неочевидного прошедшего времени во 2-м и 3-м лице единственного и множественного числа употребляются только без личных форм (в литературном языке факультативно употребляются формы с личными суффиксами и без них).

Единственное число

- 1 л. *ton užaškem* 'я работал, оказывается'
 2 л. *ton užam* 'ты работал, оказывается'
 3 л. *so užam* 'он(а) работал(а), оказывается'

Множественное число

- 1 л. *mi užaškemmi* 'мы работали, оказывается'
 2 л. *ti užallam* 'вы работали, оказывается'
 3 л. *so, os užallam* 'они работали, оказывается'

3. В рассматриваемых говорах употребляется любопытная аналитическая форма неочевидного прошедшего времени, состоящая из безличной формы основного глагола и вспомогательного глагола *val* в форме прошедшего неочевидного времени. Этот вспомогательный глагол в парадигме спряжения принимает личные окончания²⁴: *mĩnono viliškem* 'мне надо было идти (ехать), оказывается', *mĩnono viliškemmi* 'нам надо было идти (ехать), оказывается', *mĩnono viliškemdi* 'вам надо было идти (ехать), оказывается', *mĩnono viliškemzi* 'им надо было

²¹ Б. А. Серебренников, указ. раб., стр. 191.

²² К. Е. Майтинская, Функция суффикса *n* в личных и вопросительных местоимениях финно-угорских языков. — Вопросы финно-угорского языкознания I, Москва 1962, стр. 79.

²³ В. И. Лыткин, Т. И. Тепляшина, Некоторые особенности глазовского диалекта. — Записки Удмуртского научно-исследовательского института, вып. 18, Ижевск 1957, стр. 218—227; В. М. Вахрушев, указ. раб., стр. 228—241.

²⁴ В литературном языке в сложных глагольных формах прошедшего времени компоненты *вал* (*вылэм*) не изменяются, см. Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология, стр. 206.

идти (ехать), оказывается'. Кроме значения неочевидности, рассмотренная форма прошедшего времени выражает и модальное значение сожаления: *mar keş turin zor ule şediz. tolon ik martsano vîliškemmi* 'какое сухое сено попало под дождь; вчера же надо было, оказывается, нам сгрести'. Здесь по существу выражена мысль: жаль, что вчера не сгресли.

4. В средневосточных говорах употребляется еще одна интересная аналитическая форма глаголов прошедшего времени, состоящая из формы future-бесличного глагола, оформленного во множественном числе личными показателями, и вспомогательного глагола *val* (*vîlem*):

- 1 л. *mî mînonomî val ~ vîlem* 'мы должны были идти'
- 2 л. *tî mînonodî val ~ vîlem* 'вы должны были идти'
- 3 л. *so,os mînonozî val ~ vîlem* 'они должны были идти'

Эти глагольные формы выражают дополнительное модальное значение долженствования и условности, например: *so,os mînonozî vîlem, no kkaş uroden ug lu,li mînem.î* 'они пошли (поехали) бы, но из-за плохой погоды не могут', иначе: 'они поехали бы, если бы была хорошая погода' (из экспедиционных записей автора).

5. Повелительное наклонение глаголов I спряжения оформляется без показателя *-le*. В литературном языке и во многих диалектах, особенно южных, этот показатель употребляется со всеми глаголами повелительного наклонения. В средневосточных говорах этот формант есть лишь в повелительном наклонении глаголов II спряжения: *mîne* (лит. *мынэлэ*) 'идите', *koşke* 'уходите' (но *juale* 'спросите'). Но в описываемых говорах показателем *-le* широко оформляются побудительные междометия: *ja* (*jale kutkom in* 'ну начнемте уж'), *ojdo* (*ojdole bertom in(i)* 'давайте пойдете уж') и т. д.

6. В удмуртском литературном языке глаголы 2-го и 3-го лица единственного числа условного наклонения употребляются как с личными показателями (особенности южного диалекта), так и без них (особенности северного наречия). В средневосточных говорах употребляется только вариант северных диалектов, т. е. бесличных форм: *ton, ton, so mînsal* (< *mîni + sal*) 'я, ты, он пошел (поехал) бы'. Во множественном числе личные окончания обязательны во всех диалектах удмуртского языка:

- 1 л. *mî mînsalmî* (< *mîni + sal + mî*) 'мы поехали бы'
- 2 л. *tî mînsaldî* (< *mîni + sal + dî*) 'вы поехали бы'
- 3 л. *so,os mînsalzî* (< *mîni + sal + zî*) 'они поехали бы'

7. В описываемых говорах глаголы притворного действия выражаются только аналитическим способом. При этом основной глагол выступает в форме утвердительного или отрицательного причастия в сочетании со вспомогательными глаголами *vîre* 'старается', *kare* 'делает' или сочетаниями слов *ule karişkin(i)* 'сделаться (притвориться) тем-то, под тем-то', *çot karişkin(i)* 'в счет того-то делается (притворяется)', *ule analkkin(i)* 'притвориться тем-то, под тем-то': *uşam kare ~ uşam gine kare ~ uşam çot vîre ~ uşam ule analkke* 'притворяется (прикидывается) работающим; делает вид, что работает'; *višem kare ~ višem gine kare ~ višem ule analkke* 'притворяется, прикидывается больным'.

В литературном языке и во многих диалектах и говорах глаголы притворного действия образуются при помощи суффиксов *-mjašk-* (-мъяськ-), *-mtejašk-* (-мтэяськ-), *-temjašk-* (-тэмъяськ-): *užamjaške* ~ *užamtejaške* 'притворяется работающим, неработающим', *žožtemjaške* 'притворяется обиженным' и т. д. В средневосточных говорах с этими суффиксами глаголы притворного действия не употребляются. Лишь в ограниченном количестве возвратных глаголов типа *ukiltemjaške* 'хулиганит', *virsertemjaške* 'грубит' употребляется показатель *-mjašk-*, но он функционально ничего общего не имеет в этих словах с аналогичным суффиксом глаголов притворного действия.

8. Деепричастия на *-ku* (сев., лит.) в описываемых говорах выступают в огласовке *-ki* (южн.): *miņiki* (сев., лит. *miņiku*, приит. *miņuku*) 'идя', *dišetki* (сев., лит. *dišetski*) 'учась, во время учебы', *izučaŋki* (лит. *izučaŋ kari*) 'изучая, в процессе изучения, во время изучения'.

Остальные отклонения от литературного языка представляют собой некоторые фонетические различия, анализ которых не входит в задачу данной работы.

Сокращения

бавл. — бавлинский диалект; **виш.** — вишурский подговор; **приит.** — приитинский (тыловайский) говор (диалект); **сев.** — северные диалекты, иногда под этим разумеют глазовский диалект; **слоб.** — слободской диалект; **сосн.** — сосновский подговор (один из средневосточных говоров); **сред.-вост.** — средневосточные говоры; **сред.-южн.** — среднеюжный диалект; **увин.-вавож.** — увинско-вавожская группа говоров; **шарк.** — шарканский говор; **шошм.** — шошминский диалект; **южн.** — южные диалекты и говоры; **як.-бод.** — якшур-бодынский говор.

S. K. BUSMAKIN (Moskau)

MORPHOLOGISCHE BESONDERHEITEN IN DEN MITTELÖSTLICHEN MUNDARTEN DER UDMURTISCHEN SPRACHE

Im vorliegenden Artikel werden anhand eines reichen originalen Materials die morphologischen Besonderheiten der mittelöstlichen Mundarten der udmurtischen Sprache analysiert. In diesen Mundarten haben sich bis heute noch — ihrer Form und ihrem Häufigkeitsgrade nach recht unterschiedlich — uralte sprachliche Erscheinungen erhalten. Die mittelöstlichen Mundarten, die sich während der Konsolidation der nördlichen, südlichen und teilweise auch westlichen Mundarten bildeten, enthalten Besonderheiten aller drei Quellen, sei es in reiner Form oder durch Verschmelzung der nördlichen und südlichen Formen.

Im Prozeß der selbständigen Entwicklung dieser Mundarten tauchten aber auch eigentümliche Formen auf, die nur diesen Mundarten eigen sind. Dagegen fanden wiederum einige morphologische Erscheinungen, die für die Literatursprache und für die anderen Mundarten charakteristisch sind, bei ihnen keine Verbreitung.

Das analysierte sprachliche Material bestätigt noch einmal die Behauptung, daß die mittelöstlichen Mundarten im Prozeß der Konsolidation der verschiedenen Dialekte entstanden sind. Doch ist der Einfluß der nördlichen Mundarten bei ihrer Entstehung bedeutend größer gewesen als derjenige der südlichen und westlichen Mundarten. Obwohl die beschriebenen Mundarten sich unter dem Einfluß der anderen Mundarten entwickelt haben, stellen sie heute selbständige Sprachinseln mit einem eigenen phonetischen, morphologischen und lexikalischen System dar.